

Обратная перспектива

Стеклянные крылья юных праздных стрекоз, утром исторгнувшихся из тел своих тараканоподобных личинок — наяд, парусят под летним утренним ветерком на горячих железных поручнях неподвижных кабин Колеса обозрения. Усердным же пчёлам недосуг, на кончике жала — Медовый Спас.

Студент Марк, второкурсник, «отрубаящий хвост», и кассирша-сменщица, курсантка школы бортпроводников, устроившиеся на летнюю подработку, не разделяли, не проявляя этого внешне, убеждение бригадира Сидора в существовании, как он их называл, «дней обратной перспективы». Обычно сразу за макушкой лета. Тогда обязательно происходят необъяснимые явления, будто законы и формулы мироздания всё так же верны, но только с ощутимыми поправочными коэффициентами. А ещё, если долго всматриваться в окружающий мир, то почувствуешь вдруг, что это окружение, обернувшись, пристально смотрит на тебя самого, как святой из иконы на молящегося еретика. Утренний признак такого дня — странный, неопределённого направления, нашёптывающий ветерок при полной неподвижности листвы на деревьях.

Запустив агрегат в соответствии с инструкцией, бригаир предварил выполнение обязанностей старшего контролёра-посадчика глотком армянского из карманной прозрачной баклажки. Повинуясь пригласительным жестам Марка, первые ранние посетители аттракциона миновали калитку, турникет и съёмные цепи безопасности на медленно движущихся вдоль посадочной площадки подвесных кабинках. Три подружки с одинаковыми тёмными очками, торчащими над чёлками, суетливо меняясь местами, предпочли открытую гондолу. Белокурая девица в длинном платье медлительно, будто сомневаясь, а надо ли вообще ей всё это, пропустив несколько пустых экипажей, выбрала фэтон с остеклённой крышей, формой и золотой окраской напоминающий сказочную карету. Остальные модули пока свободны от пассажиров.

Сидор присел на складной стул рядом с кустом отцветавшего шиповника. Вот завершится полный оборот на тужно постанывающей машинерии, и девчонки с густым вечерним макияжем, неуместным в солнечное утро, споровисто покинут железные седалища, удаляясь по центральной аллее в сторону лодочной станции, недолго поторчав у прейскуранта «кофе эспрессо американо и глясе мороженое» за стеклом ещё не открывшегося кафе «Роза ветров». В полудрёме привиделось ему, как звонко и неуёмно жужжащая пчёлка, пританцовывая, опускается по нежной сердцевине на фиолетовое дно чаши одинокого позднего розового цветка. Зелёный паук с салатным мерзким тыквообразным брюшком, похожим на незрелый плод шиповника, таившийся под листом на высокой кривой ветке, скакнул с черенка на полосатое тельце медоносной труженицы, увернувшись от жалоносного зада и мгновенно обездвижив её в смертельном членистоногом объятии.

«Сейчас я тебя спасу. Только чем бы это скovyрнуть? Уж дюже мерзок. Вот чудище обло, стозевно и...»

Полный поворот Колеса завершён. Девчонки, не ожидая помощи персонала, перешагнули через страховочные цепи, ступили на посадочную платформу, миновали

дремавшего бригадира, оставляя остропахучий след турецких духов. Марк резво шагнул к своему рабочему месту. А вот как раз и «карета», которую предпочла странноватая особа, неспешно наезжает на подиум для посадки-высадки и пугает совершенно пустым салоном.

«Где же леди? Твою дивизию! Выпала сдуру, а можа, цапфу заело?» — предположило подсознание, ещё не стряхнувшее обрывки недавнего дурного подутренного сна.

«Какую ещё цапфу, о чём это я?!» — взгляд непроизвольно буравит прилегающую территорию с сиреневыми мелкими ромашками. На стриженном газоне вдоль сетчатого ограждения переросток-птенец дятла учится взлетать с разбегу, маша крыльями вразнобой. Ветерок будто шепнул тихо, но разборчиво, как суфлёр из будки: «Вишь ли, вас, людей, избыток, а полезных птах долбоклюйных не хватат для спасения лесов. Вот оно как».

Розовощёкой кассирше из окошка кассы Колеса не видать. Что-то могли заметить девахи-гондольерки, судя по макияжу и нарядам, явившиеся с ночного шабаша сатанистов, так их и след простыл. А чёртово Колесо, нехотя и сыто вращаясь, так и будет, подобно циклопическому ротору землеройного двадцативосьмиметрового монстра с ковшами-кабинками, цеплять и цеплять с земли беспечно гуляющих по парку ротозеев, пока не останется ни одного.

Сидор открыл глаза, громко чихнул, по-птичьи клюнув носом. Шеф выслушал тревожный доклад подчинённого о необъяснимом:

— Прекрасно помню, Сидор Ефимович. Выбрала «карету», спиной вперёд уселась, кажется. Особые приметы? Ну, платье было такое, типа архаичное. Волосы? Глаза? Не. На ногах было что-то розоватое, будто босиком. Туфли, ка-жись!

Сидор, сделав добрый глоток, омочил подбородок и сдвинул козырёк бейсболки на затылок:

— И это, по-твоему, особые приметы молодой особы — старое платье и розовые копыта? Не психуй, такое бывает, иногда даже целыми семьями. Наши коллеги, старые

служители колёс, знают. А главное, их никто и не ищет. Но иногда сами возвращаются. В такие дни-оборотни, а иначе — обратной перспективы, было и у меня. Предшественник твой для эксперимента сел с одной такой и крутанулся. Люлька вернулась пустая, а на их местах два паучка. Думаешь, меня не заманивали? Хорошо, что я высоты боюсь. Ты бы тоже того, поосторожнее на этих днях. Ха-ха, смотри-ка, поверил!

Марк, в отсутствии посетителей, отлучился, чтобы прогуляться по боковой стёжке, обрывая свежую ночную паутину и отмахиваясь от тьмотмущих мошек и настырных оводов. Там, подальше, на крутом склоне в кустах, не видимых отсюда, он частенько посиживает у большого паучьего анклава, пополняя прабабушкину немалую коллекцию и на практике в естественных условиях обитания изучая повадки этих животных, о которых теоретически и практически знает почти всё. Так он, вовсе не первый по успеваемости на факультете, упрямо считал.

Увлечение явно долбанутое у этого «здорового лося» ползучими отвратительными тварями. Таково было единственное общее мнение других членов бригады — бывалого «бугра» и всё ещё завидной невесты, кассирши Яны, мечтавшей в школьные лета о карьере пилотессы в лётном спецотряде, распыляющем специальные вещества, обеспечивающие по великим праздникам ясную солнечную погоду в столице и больших городах.

Подоблачный одинокий стервятник наверняка зрел происходившее в «кажете» сквозь стеклянную крышу, омытую недавними дождями. Но ему ли, обладателю всевидящего ока, внимать мелкой суете ползающих и ходячих существ? Лениво, не складывая крыльев, скользнул он к воде и снова взмыл выше прежнего, брезгливо унося в когтях блестящего малька, наблюдавшего из-под воды за прекрасными птицами и мечтавшего хотя бы раз в жизни уподобиться им, чтобы вознестись в высоком полёте над родными водами. Непостижимым природным чутьём пернатый хищник учуял заветную несбыточную фантазию незрелого

окунька и, будто случайно, снисходительно обронил его над серединой реки.

Исход

Безымянный паучок не умел плести паутину, потому что был из рода бродяг. Они не утруждали себя долготерпеливым трудом ткачества и бесконечным ожиданием, когда, наконец, жертва сама вляпается и начнёт трепыхаться, запутываясь в ловчих липких тенётах, но предпочитали, как истинные хищники, нападать исподтишка первыми, в чём весьма преуспели.

Вот и недавно, весело жужжа и игриво пританцовывая, хлопотливая рабочая пчёлка безоглядно спустилась по лепестку в чашу позднего розового цветка шиповника, на самое дно нежнейшей фиолетовой сердцевины. Охотник без имени, прятавший в засаде на нижней стороне листочка своё тыквообразное салатное брюшко, скакнул, с силой оттолкнувшись от черенка, на полосатую спину пятиглазой добытчицы пыльцы и, увернувшись от жалящего зада, мгновенно обездвижил медоносного трудоголика в смертельном объятии длиннющих ходульных лап уколом ядовитых крючков в затылок. Этот акробатический бросок восхитил дородную Королеву-мать, не скрывавшую своей благосклонности к статному наследному принцу, отличающемуся горделивой посадкой головутоловища:

— Ишь ты, гля, как сиганул, вжикнул молнией, прям какой-то молниеносный!

Младшие братья и сёстры, которым Королева-мать сама раздала имена собственные, уже разбрелись по свету. В день исхода те, чьи имена начинались на букву «В», ещё затемно, наскоро омочив передние глаза росой, припудренной розовой цветочной пыльцой, цепляясь спросонья за чужие лапы, обходя обнажённые змееподобные корни над родовым гнездом, засемили навстречу пробуждающемуся под визг комаров и щебет птиц небесному светилу. Остававшиеся искатели приключений маялись в ожидании

заветного часа и сигнала, то сходились, образуя подобие тучки, то рассыпались на мелкие группки вплоть до единичных индивидуумов. И вот в самый полдень когорта, ослепительная буквой «Ю», отбрасывая назад короткие тени, устремилась, наконец, вольным стадом, не ведающим бича пастыря, в мир неизведанного. Одновременно с ними, но в противоположную сторону, где дальним многоцветьем маячило освещённое солнцем Колесо обозрения, побрела извилистая вереница скитальцев с именами, начинающимися на букву «С». У кого имена на «З», на кончине того же дня, вышагивая плотной фалангой, навечно сгнули в жидком янтаре вечерней зари.

Пускаться в странствия в поисках своей судьбы без собственного имени нельзя, таков архаичный канон, неукоснительно соблюдаемый из рода в род. Королева-мать раздала все имена, кои знала, наследнику же свободного имени не досталось, а может, правительнице желалось повременить с именем до возвращения из очередного набега преданного фаворита по прозвищу Семиног.

Страшно подумать, уже истекает третий год жизни, и утробистая Королева всё чаще впадает в состояние симбиоза туманных мечтаний о неопределённом будущем и зримых до мельчайших подробностей детских воспоминаний. Вот на дворовой детской площадке она насмехается над соседней девочкой на инвалидной коляске: «О, да у неё ещё и глаза косят». Душноватый летний вечер, за открытым окном начищенная медь луны путается в ветвях раздвоенного ствола старой берёзы. На подоконнике прозрачная баночка с любимой игрушкой — живым чёрным паучком. Свежий вечерний ветерок аккуратно доставил чей-то шёпот и прилёг на пол в ожидании вознаграждения:

- Он в банке, ваше величество.
- Бедненький наш Спиноза, она хоть кормит его?
- Леденцы, мороженое, вафли и зефир. И другие гадости.
- Да она же просто изверг!

Вспоминаются рассветные сумерки. Было две красивые ножки, а вдруг разом восемь ретивых ног — такова

была последняя человеческая мысль. Внезапный предгрозовой смерч подхватил пушинкой вместе с булыжниками пыли и длинным обрывком липкой паутины с засохшими трупами каких-то насекомых, в который она вцепилась всеми лапками, и вознёс выше верхушки ставшей вдруг гигантской берёзы. Едва не касаясь разгулявшейся ряби реки, ставшей почти безграничной, швырнул на чужой крутой лесистый берег, в кущу одичалого шиповника вдали от троп и аллей городского парка. Здесь, по протекции всесильного загадочного Мизгиря, дано было новоявленной паучихе обрести карликовое королевство себе подобных с ареалом обитания, ограничивающимся зоной аттракционов.

Госпожа Тьютор

— Интересуетесь арахнологией? — Марк кивнул Игорьку, обратил широкую спину к палящему солнцу, накрыв своей тенью немолодую пару, отличавшуюся алебастровыми телами и весьма загорелыми лицами и кистями рук, возлежавшую ближе других к питьевому фонтанчику.

— Боже упаси! Ну, если только в разумных пределах. А что это такое?

— Эй, шкаф. Не заслоняй солнце.

— Молодые люди, вы свои тараканьи бега на детском пляже идите показывайте, а ещё лучше на вдовьем, там будете иметь успех.

Марк, отряхивая серый песок с жёлтых плетёнок, побрёл в рекомендованном направлении. Приятель Игорёк отстал, встретив знакомых.

— Леди Роза, не угодно ли узреть ристалище экзотических существ из мира насекомых за символическую плату? — Марк выудил из пакета две стеклянные банки и поставил рядышком на влажные местами пляжный песок. — Мы с вами соседи, ага? Розалия... э-э-э?

— Германовна. Свои яблочки, прямо с ветки. Угощайтесь. Нежные, аж зёрнышки просвечиваются, захочешь — считаешь. Нравятся?

— Нравятся прабабушкины зелёные щи со щавелём, очень вкусно готовит.

— Нет-нет. Мать вашей бабушки берёт обеды в старом детском саду, и вы это знаете. Не только щи, и омлеты. А вы, Марк, из своего домика-скворечника на деревьях любите подсматривать за соседками. Что там за козявки в банках? Пауки? Фи! Вы вроде студент?

— Уже год. Так-с! Только для избранной публики! Непобедимый Эльф, он же красавец-богомол нежно-салатового цвета. Его соперник — хранитель «кротовых нор» в потусторонние миры Норд Аврелий Молниеносный из бродячего паучьего племени, он же победитель осы Помпилы. Опасаясь кровной мести родственников, бойцы согласились на поединок на условиях полной анонимности.

Марк снял крышки, уложил стеклянную тару набок, плотно сдвинув горловины. Членистоногие оппоненты долго обменивались лёгкими поклонами, как бы призывая друг друга начать первым. Марк осторожно пошевелил контейнеры, будто раскатывая тесто. Наконец богомол явил готовность к поединку, принимая боевую стойку. Выпрямился вертикально на четырёх тонких задних лапках: надкрылья открыты и откинуты в стороны. Крылья развернулись во всю ширь наполненными парусами, передние хватательные лапы-клещи, сложенные на груди, вдруг широко раскинулись в стороны, обнажив подмышки с белым глазком в чёрном пятне. Подобие крылатого человечка-эльфа, готового обнять весь мир, восклицая: «Мы все — братья у матери Природы! Да будем любить друг друга!»

Трагичен жребий соблазнившихся таким чародейством. Был ли Норд из их числа и поверил призывам заклятого врага, поддался парализующим гипнотическим чарам или справедливо посчитал развёрнутые крылья не романтическими парусами, но развёрнутыми боевыми знамёнами войны? Он и сам не знал ответа, когда, приседая на брюхо или задирая в гору передние лапы, имитировал броски, делал резкие движения, замысловатые круги вокруг неподвижного Эльфа, вращающего только треугольной головой

почти на триста шестьдесят градусов и пристально следящего за добычей для предстоящего пира в попытке разгадать тайный смысл хитрой тактики непрерывного маневрирования.

— Пить охота, — подошедший Игорёк снял тёмные очки, присел на корточки. Вращая белобрысой головой, изобразил богомола. — Настало время кульминации. Спорю: Богомол победит!

Возможно, уже через минуту или две в невидимом глазу рывке передняя пара хватательных ног, только что звавших в объятия, сомкнётся мёртвой хваткой, звякнув крючками, шипами и зазубринами на отчаянно бьющемся теле Норда.

«Прости, друг, — услышит тогда шёпот богомола теряющая подвижность и волю к победе обречённая жертва. — Я вынужден быть хищником и ежедневно питаться свежесбитой дичью, таким создала меня природа. Если небо не упадёт на Землю, то сегодня я реципиент, а ты донор. Истязая твою плоть и упиваясь твоей кровью, я буду делать это с искренним отвращением к самому себе. Тебе одному признаюсь: в душе я почти вегетарианец».

Но резкий выдох через трубку, сложенную Марком из газеты и нацеленную в Норда, изменил ход событий, предрекаемых Игорьком. В тот же миг, пшикнув в неприятельские глаза облаком счёсанных с брюшка острейших и мельчайших волосков, паук скакнул на треугольную голову, впиваясь в неё ядовитыми челюстями. Инопланетное существо, Голиаф среди насекомых, красавец Эльф нежно-салатового цвета, архивраг и кровник Семинога, повержен после страшных укусов, поражающих нервный центр в основании затылка. Скукожился, распластав несоразмерные конечности. На удивление, совсем немного времени потребовалось пятиглазому бродяге на то, чтобы отчленить клешни, только что мечтавшие заключить его в смертельные объятия.

— Сработал прабабушкин рецепт, как взбодрить квёлого паучка. Ей ли не знать, доктору ветнаук? У неё приличная коллекция голубокровных, богомол и Норд — готовились

туда же. Если честно — изъяты из карантина без спросу. В какой стороне фонтанчик питьевой? Розалия Германовна, вам тоже принести? А в чём?

— Как птица птенцам носит, в клюве. Забейте на фонтанчик, живём по соседству, за ваше представление расплачусь натурально. Натуральным вином сухим домашним из этих же яблок. Плюс купон на квест, со скидкой или частичным возмещением. Ну, это игра такая, тут написано. Блин, очки забыла.

— А вы в общем скажите.

— Ну, если проще, своими словами: экшн-квест с элементами перформанса «Призрак Дома с музами». Не азартные? А я квестоманка, тем паче оное есть часть бизнеса. Персонал — актёры, есть профи. Автографы дают.

— Тётя Роза, а какой, — Игорёк подлил вина в недопитый стаканчик, — ваш бизнес?

— Какая я тебе тётя, херувимчик? Если обольстить хочешь, зови меня просто: леди Роза! Бизнес, как говорят французы, — фрикасе, а по-русски — проебизнес, то бишь не самый доходный. Я тож в игре, там я Тьютор — типа сопровождающая. Тема такая: в этом здании в войну реально был эвакогоспиталь общехирургический номер 3488, а в подвалах — морг. Сейчас там мается Призрак умершей от ран лётчицы из женского авиаполка ночных бомбардировщиков, по легенде — ночью ожившей, ну и дальше по сценарию. Игроки ищут выход из склепа, если не найден — остаются там замурованными навечно. В этом сезоне пока никто не вышел. Условно, конечно. Отгадавшим все загадки Призрака — воля и приз очень и очень. Как вам такая фабула? Большая коллекция, говоришь? И стрекозы есть? Можно инклюзии под янтарь делать, как в мастерских оберегов на берегах Сены. Промоушн мой. Приглашаю в бенефициары, покумекай. Это тучка, беременная дождём, или дирижабль наплывает? Кажись, мой Буцефал катит. Это я его так называю, а ему нравится. Тоже с придурью — без куска колючей проволоки из гаража не выезжает. Мол, это его такой оберег.

Фаворит

Одна лапа будущего фаворита из четырёх левых ещё в раннем детстве была взыскана богомолем в обмен на свободу. Сколько бы раз матёрый хромец ни уходил на разбой из родного логова в поисках лучших мест обитания, всегда помимо воли возвращался, так как не мог двигаться прямолинейно, но постоянно загребал немного влево и потому, совершив немалый круг, возвращался всегда к исходной точке своего скитания, уверенный, что совершил кругосветку. Когда-то предыдущим фаворитом Спинозой он был преподнесён в качестве молоденького съедобного презента прежней Королеве-матери, но та пожалела хроменького и, будучи голодной, съела дарителя. Вскоре сама погибла в грозу.

В молодые годы он тяготился физическим изъяном и невозможностью быть, как все собратья, совершенным во всех отношениях рыцарем заплитусных щелей и потаённых троп, приводящим в шок и трепет съедобных насекомых. Обладая горячностью, присущей молодым животным, хотел даже отдать прожорливому богомолу и здоровую симметрично расположенную ногу, но не понравилось бы ему имя Шестиног, уместное для насекомого, но не животного. Позднее смирился, обнаружив в себе дар наставника и педагога. Будучи почти единственным возвращенцем, делился бесценным опытом с незрелыми чадами, которым только предстоит вкусить заветные прелести бытия бездомного кочующего одиночки перекасти-поле. Что там, за пределами родной солнечной полянки, куда так манит едва различимый сквозь серебристое марево испаряющейся утренней росы расплывчатый силуэт вращающегося монстра, именуемого чёртовым Колесом; как избегать хитроумных ловушек; зачем и когда дарить самкам полуживых мух или комара; почему нельзя жить долго в одном месте; какие дома и хозяева предпочтительнее; многое другое, что зовётся чужим опытом и часто пренебрегается обучаемыми адептами вообще и, конечно, пауками в частности.

Полезная просветительская деятельность Семинога иногда имела и неожиданные последствия. Некоторые излишне впечатлительные бурсаки под грузом знаний о нескончаемых будущих опасностях и рисках бродяжничества проявляли малодушие и тревожность — правда, тщательно скрываемую и лишь изредка проявляемую в долгом беспричинном оцепенении в самых неожиданных позах и местах.

Семиног только что вернулся в очередной раз, привычно замкнув левоповоротное кольцо. На королевской аудиенции принялся охотно рассказывать об одном большом, но запущенном доме, где прожил против обыкновения целую неделю, не испытывая всегдашнего желания к перемене мест и не имея изъянов в пищевых пристрастиях:

— Жутко и увлекательно наблюдать из щелей за человеками; паучьего века не хватит кратко изложить, что довелось узреть и чудного, и безобразного. Кажется, я догадался, почему именно эти несовершенные животные особи оказались на верху пищевой цепочки. В каждом доме, почти в каждой комнате день и ночь смотрят они в маленькие и большие волшебные зеркала с яркими живыми картинками из жизни какого-то другого, фантастического мира с холёными напудренными магами и колдунами, которые непрестанно подсказывают и учат зачарованных челов, как надо красиво разговаривать, что модно, к чему стремиться, о чём и как думать, какое надо иметь мнение, и прочему всему-всему. Наслушавшись и насмотревшись, теперь и я тяготею к философии и ведаю, что такое вектор развития и мониторинг ситуации, кто такие мизантропы, что изучает арахнолог, что есть гиперактивность и как можно дирижировать дождями. Да и вообще, всё должно быть параллельно или перпендикулярно, и никаких изгибов и наклонов.

В завершение аудиенции припал он к самодержавной лапке с подношением аппетитной агонизирующей мошки.

«Письма из прошлого»

Без настроения на весёлое времяпровождение, поджидая Игорька и отличницу Евгению, обещавшую счастливый доскональный конспект для пересдачи экзамена, Марк давно топчется у двухэтажного здания с лирой, венчающей треугольный щипец фасада, и барельефами муз в обрамлении лент с гирляндами. Тщетны попытки найти место на узком тротуаре, где можно спокойно стоять в вынужденном ожидании, не мешая проходу одетых согласно дресс-коду тематического открытого бала улыбающихся дам и кавалеров с бутоньерками и пакетами для сменной обуви. Там, где-то в конце квартала, причаливают авто, лишённые надежды на близкую парковку. Кажется, туда же укатилась и «колесница» Буцефала.

— Светик, я тут! Позвольте ручку, — некто, с ликом падшего ангела, без промедления юркнул в дверь главного входа, целуя руку и галантно пропуская вперёд плотную девицу в тунике не рекомендованной для бала короткой длины.

Марк извлёк из внутреннего кармана пиджака и вставил в наружный кармашек самодельную тряпичную бутоньерку жениха (сохранившуюся после свадьбы сводного брата Лёхи) в виде подсолнуха с вышитой пчёлкой в объятиях паука. Подражая повадкам хват-парня, решительно распахнул филёнчатые двери перед стайкой подружек:

— Будьте любезны, мадмуазели! — вошёл следом, наступив на чью-то пятку. — Виноват великодушно.

В глубине вестибюля, оглянувшись на чей-то оклик, девушка на пригласительном марше парадной лестницы с почётным караулом в опереточной униформе оступилась и, теряя равновесие, вцепилась в проходившего мимо Марка («Как кошка», — мелькнуло у него в голове), а он, чтобы устоять, раскинул руки и сшиб красный кивер кадета.

— Ну, вы как Терпсихора, — буркнул он, сам не понимая смысла сказанного и не узнавая своего голоса. Подал неловкой особе, стоявшей на одной ноге у круглой колонны,

далеко отлетевшую сандалету цвета розового неглиже. — Вернее, как Золушка. Вот ваша туфля, почти хрустальная.

— А вы прям принц тогда. Благодарю.

— Ну, если так, можно ли рассчитывать на этот, как его... ангажемент?

— Будем посмотреть, как одна знакомая говорит, — отвчала «Золушка», поправляя бальную сумочку и принимая от Марка веер, поднятый и переданный ему подошедшей Розой Германовной.

— Бонжур, сосед, маэстро археологии!

Марк успел прочесть на полураскрытых пластинках опахала два слова: «Дева» и «Фея». Роза и «Золушка», обе в длинных летних платьях, взявшись за руки в одинаковых белых перчатках до локтей, проследовали, демонстрируя незатейливые короткие причёски, в сторону гостиной, где раздавали полумаски.

На верхней лестничной площадке Марк задержался. Поправляя пиджак, обнаружил отсутствие «подсолнуха». Оглянувшись — вестибюль был пуст.

В бальной зале только что отзвучал полонез. Ведущие объявили мастер-класс студии исторического танца. Неуместность его присутствия здесь не покидала Марка. Злился на Игорьку, подбившего на эти танцульки «под ритмы неувядаемой классики». Другие умеют вписываться естественно и впопад в любую атмосферу, вести себя убедительно, харизматично, вызывая у присутствующих интерес и уважение. От неуместных мыслей отвлекли тематические салоны с выставкой книг, квизом по искусству и галереей авторских кукол. Мельком замечал «Золушку», встречаясь взглядами. Решил дождаться вальса и пригласить, но был вовлечён в «Ручеёк» активной участницей группового написания картины, у которой он, проходя мимо, неосмотрительно поинтересовался темой и названием творения.

Длиннорукий почтальон с алой бабочкой и в красном цилиндре, отличающийся отсутствием шеи и покатыми плечами, начинающимися сразу от свинцовых скул, разносивший в плетёной корзине романтические послания,

адресованные присутствующим на балу дамам и кавалерам, сунул Марку, выходявшему из колонного зала, открытку с изображением картины «Незнакомка». На обороте — рисунок в одну линию, напоминающий пропеллер или знак бесконечности, а ещё отдалённо кольцо Мёбиуса, и подпись: «В этом изображении зашифровано моё послание. Если догадаетесь, не сочтите за труд ответить». На вопрос — от кого, письмоносец отвечал, что сие тайна и таковы строгие правила. Если молодой человек намерен ответить, то вон там отдельный столик с почтовым ящиком. А не зная имени, передайте ответ мне, ведаю, кому вручить. Похоже на прикол Игорька, у него тоже красивый женский почерк. Кстати, почему к нему так липнут девчонки?

Передав ответ письмоносцу: «Смею предположить, в послании зашифровано желанное мною позволение заменить ангажемент на променад», — с рисунком круглой паутины, Марк направился к лестнице. У той же ступени, где загнулась незнакомка, услышал:

— Сударь, вам малява, пардон, эпистола, тождественная фолианту, от очаровательной особы!

«Восхищена проницательностью, благодарю за приглашение на вечерний променад по городу радиально-кольцевой планировки», — прочёл уже на тротуаре.

Задержался у сквозного прохода во внутренний дворик, где когда-то стояли лавочки, обнаружив в себе до странности скорую перемену настроения. Будто минус сменился на плюс, а желание уйти — твёрдым решением дожидаться «приглашённую». Так часто бывает с ним. Вначале: «И зачем я только припёрся сюда?» Позднее: «Хорошо всё-таки, что пришёл, пообщался, новые впечатления и прочее...» А Игорёк и Евгения так и не появились. Ненамеренно бросил окурочку мимо урны под щитом, рекламирующим сегодняшней летний бал «Письма из прошлого», где «дамы будут особенно прекрасны в бальных и вечерних платьях, кавалеры — в костюмах или фраках, а цветочные аксессуары особенно актуальны».

Закат стыдливо розовел по всему периметру горизонта со всех сторон света. Не понять, поздняя вечерняя заря

это или ранний восход, угасание дня или его зарождение. Если кто, имеющий нужду в такой странный час в чём-либо удостовериться, и задаст вопрос, пусть не ждёт верного ответа.

Королева и Семиног

Поистрепавшийся полупрозрачный ковёр-самолёт из тончайших паутинных нитей без руля и без ветрил горделиво витал и парил над гигантскими дикоросами, мечтающими разорвать его в клочья жуткими когтищами сухих веток, почерневших от зависти и ревности ко всему, что умеет передвигаться по земле. Как угодно, да хоть на костылях, но особенно — умеющему беспечно летать, аки птичка небесная. Из шипов, обречённых вековать на одном опостылевшем месте, тогда вырвался бы на свободу лишь малый паутинный ошмёток да обрывок каймы с кружевными мерёжками. Ковёр опустил на макушку металлического зонтика люльки Колеса обозрения. Два пассажира, набросив на спицу кольцо швартового конца, проворно сбежали по нагретому солнцем куполу до карниза и затаились вниз головой в щели между потолком и ребром жёсткости.

— Весна была сплошной снегодождь, и лето нынче плаксивое чрезмерно. Моим сородичам гибельны высокие воды. Боюсь гроз больше, чем осу Помпилу, судьбу предшественницы повторить не хочу. А ветры-то ленятся, в тягость им дождевые тучи гнать отсель. Борей да Зефир и вовсе на службу во вражеское племя переманились. А Вертопрах и Листодёр? Только на баловство их и хватает, в лицо кому пыль или охапку сухих листьев швырнуть.

— Именно так, ваше величество. Или платье у невесты задрать выше головы, сам видел. И ведь они вроде как бы и берутся, и обещают. Желание-то у них есть. Натужились, напряглись — вроде вот оно и флаг вам в руки, но нет, тут же пшик — и иссякли. Пора им замену искать, а самих на вольные хлеба отпускать, пусть сквозняками где-нибудь устроятся.

— Арахнолог, слуга этого чёртова Колеса, безнаказанно ворует наших деток для коллекции, чтобы засушить и мумии сделать. Даже вот на наследного принца посягал. Своих сокурсниц одаривает для потехи, а оператору-посадчику Сидору двух самок предлагал. Чтобы они содержались в стеклянных клетках, как какие-нибудь диковинные дикие звери. Надо прекратить красть моих подданных. Он самонадеянно считает себя знатоком наших обычаев, имея лишь мифологические примитивные, далёкие от объективности несистемные представления о нашей цивилизации. При обращении в паука открывшаяся истина даже в объёме одной сотой доли будет для этого вандала подлинным откровением и потрясением.

— Даже одна тысячная будет потрясением. Сегодня же сделаю заказ Всемогущему Властелину Чёрного Зонта.

— Только ты этому Мизгирю чётко объясни, в деталях: мол, так и так, что нужно сделать конкретно. А то этот каннибал такой несобранный и при этом своенравный, всё по-своему поймёт и нахамит, как в прошлый раз, похабство непотребное, вспомнить стыдно, тьфу. Даже оповещать заранее о дезинсекции стал в самый притык. Давай-ка вечером заглянем в жилище студента-варвара, хочу знать более. И к той, у которой его подарок в плену томится. Как её?

— Отличница Евгения, по-ихнему. А я был как-то у арахнолога. Для забавы падал с потолка ему на стриженую голову и в тарелку с халвой. И жив, во как.

— Семиног, какой раз говорю: не давай волю причудам. А сейчас домой летим. Отдать швартовы!

— Слушаюсь, ваше величество Королева-мать!

— Давай без рангов и чинов, фавориту сие дозволено.

Мизгирь Всемогущий

Покидая детское кафе-мороженое, что наискосок от здания с музами, где без суеты флегматично осушил, закусывая десертом тирамису с тёртым шоколадом, тайком принесённую с собой бутылку «Алазанской долины», Сидор

услышал нестройную мелодию. Не ту, что обычно возникла ниоткуда, предваряемая перезвоном серебряных колокольчиков. В упор разглядывая фасадную лепнину дома напротив, догадался: нет, этот особый наигрыш извлекается переменчивым ветерком из железных копьеподобных «струн» бетонной надфронтонной лиры. Доступен ли этот блюз всякому человеческому уху, размышлял он, или только обитающие на пыльных чердаках голуби да немногие потомки Адама, те, что «просты как голуби», удостоены этого?

Над одной из фасадных муз образовалось вдруг клочковатое белёсое облачко, будто сжатым воздухом сдули вековую пыль. Медленно оседая на брусчатку тротуара, оно обретало очертания женской плоти. Кажущееся обращение клубящейся пелены под фасадными изваяниями в реальную прохожую, бойко засеменившую прочь, взбивая длинный подол с разрезом, — всего лишь игра сумеречных теней и чего-то ещё, но, конечно, объяснимого при желании и сугубо материалистичного. Хотя... в дни-оборотни — есть и такие дни, буквально вывернутые кольцом Мёбиуса, — все призрачные могут материализоваться, и эти фантомные субстанции часто отрываются в парках на аттракционах. Знамо сие только членам всемирного тайного ордена Блустителей Колёс.

Накинув капюшон ветровки поверх кепи, смотритель и страж Колеса последовал было за субстанцией, напоминавшей со спины шикарную хозяйку парковой этно-кафешки Розалию, но более — ту явно не здешнюю лохиню, однажды не вернувшуюся из круговращения к исходной точке отправления в день обратной перспективы. Однако, по причине неуверенности в необходимости этого и слабеего зрения, скоро потерял её из виду и, повернувшись по солдатски через левое плечо, направился за своей длинной тенью в сторону, противоположную позднему закату, ступая твёрже обычного. Презабавная дамочка Роза Ветрова, называющая себя «инкубатором бизнес-идей», планирует стать собственницей Колеса и сменить «заскорузлый персонал на креативных суперэффективных маркетологов».

Об этом надо позже поразмыслить. А сейчас он идёт за своей тенью — это значит «Изольда», если тень пойдёт за ним — это «Брунгильда». Впереди перекрёсток. Если на переходе будет зелёный, он идёт дальше, если при подходе загорится красный — поворачивает назад.

Как в сбитой оптике, завечеревший город терял чёткие очертания. Через короткое время, подуставший и понурый, станет он аляповато красив, местами варварски роскошен, дерзок в намерениях, расточителен в цветной подсветке и освещении. Пробуждается от дневного сна одинокое, без роду и племени, чаще таящееся в школьных дворах, сентиментальное, несколько изнемогшее, но молодящееся городское зооморфное творение без имени, внушающее неокрепшим умам, с ведомой только ей целью, мысли и поступки, не подвластные разумной житейской логике.

«Золушка» поравнялась с Марком, который, не дождавшись корреспонденции по переписке, медленно брёл к платной стоянке, и пошла молча рядом.

После бесцельного фланирования по «огнедышащему рекламой» центру сити «радиально-кольцевой планировки» парочка задержалась на удобной именной лавочке с медной табличкой спонсора в освещённом множестве фонарей скверике у Дворца бракосочетаний. После рассуждений о всё ускоряющемся беге времени Марк зачем-то заговорил о кажущемся ему удачном благоустройстве недавно отремонтированного «сего места». «Золушка», покуривая его сигареты, поведала о своём, несколько ином, восприятии. Ей кажется, она разгадала зашифрованную символику этого сквера. Вот обтекаемый губастый фонтан с водопадиками и вертикальными водяными сталагмитами. Приглядитесь, станет понятно, что это явный символ женского органа в апофеозный момент. Рядом монумент великому звездочёту, с погрудным бюстом, лысой крупной головой на вытянутом вверх постаменте, — подспудный символ фаллоса.

Марк подивился такому причудливому воображению. Вряд ли дизайнеры, взявшие за основу фонтана два

обручальных кольца, сознательно следовали такому подтексту. Собеседница вдруг громко засмеялась:

— По выражению на вашем лице вспомнила карикатуру в боевом листке!

Предложил покататься на отцовской «Нюше», стоявшей недалеко на платной стоянке, или дойти до парка. Когда положил руки на руль, вспомнил, что документы оставил дома. В «городской тележке», которую перед посадкой «Золушка», следуя какой-то примете, обошла по кругу, было почти всё для лёгкого ужина на колёсах: телескопический стаканчик, мятая шоколадка, не пустая охотничья фляжка в кармашке пассажирского кресла, небольшой выбор хитов и бег наперегонки мелких капель неожиданного дождика на лобовом стекле.

— «Отцеп!» Это команда на сброс бомбы. Тут в кабине хоть и тесновато, но просто шикарно, наверное, по сравнению с кабиной ласточки, называемой У-2, а теперь По-2. Пытаюсь мою героиню представить. Вы не пугайтесь, это я в образе.

— А, так вы актриса! А то я уже думал, она того... Кстати, вы споткнулись там же, где, по легенде, брякнулась Любовь Орлова. А какая у вас роль и где... э-э-э... в каком театре? Я тоже помню драмкружок в летнем лагере. «Не пей вина, Брунгильда! Кто Гамлета зовёт?» Вожатый говорил: настоящий актёр должен уметь сыграть даже какашку. Причём так, чтобы зритель понял, какая скотина нагадила и какие у неё душевные метания. Прогуляемся до парка — искать волшебный папоротник? По дороге в магазин заглянем.

— Актриса самодеятельная, не настоящая, так, в силу обстоятельств. Замещаю, попросили. Вообще-то я на инязе училась. По сценарию роль моя такая... призрачная, шаги за сценой, голос соответствующий. Она во мне живёт, эта роль близка мне, как Роза говорит, «очень и очень». После ночи бомбометаний на завтрак давали сухое вино для сна часа на четыре, чтобы не слышать аэродромный грохот. Как-то налили какую-то бурду, никто пить не стал. Потом узнали, что это был коньяк. Я не поняла: мы идём до парка?

Брусчатку центральной аллеи подсвечивали два ряда газонных фонарей.

— Как посадочные огни для НЛО. Я — Марк.

— Не, это как АНО (аэронавигационные огни). Запретная роскошь при фронтовых полётах и посадках вслепую. Я — Полина.

На освещённой только луной тропе вдоль берега, к удивлению, немало гуляющих. Долговязый силуэт Мизгиря Всемогущего (так студенты прозвали своего доцента Козимо Мезгирьева), повторно завалившего Марка на экзамене, был замечен им ещё издали. Отгоняя комаров от спутницы, рубил воздух длинной рукой, будто читал лекцию: «Но Б — не нуль, следовательно...» Уклоняясь от встречи со «злодеем», проворно спустились к самой воде.

— Можно созвониться, и не будет проблем, — невпопад отвечала Полина-«Золушка» на жалобы Марка на несправедливость и предвзятость, хотя он и знает предмет если не более самого преподавателя, то уж в пределах курса «точно на отлично».

Самодельная лавка и прибрежный рыбачий мосток — уменьшенная копия помоста лодочного пирса. От щедрого свечения луны священного шафранового цвета, оттенённого аспидно-синими тучами, побежала по фиолетовой речной зыби стезя золотой ртути, заманивая пойти по ней «аки посуху», не помышляя о скором возвращении. Стремительно «уплывает» мосток во мрак ночи, если у самого края неотрывно уставиться на воду. Далече ли унесёт от привычного берега мысленное «хождение за три моря»? Наверное, кого-то разумного — не далее буйков, а иного простеца — до недосыгаемых безлюдных островов, не имеющих земных имён. Надо лишь надолго задержаться, прикрыв удилеце под предлогом ловли серебристых рыбок.

Марку вспомнилось: когда сидели в машине, до времени слетевший кленовый «вертолётник», отчаянно вращаясь, скользнул тогда по лобовому стеклу нежданым гостем грядущей осени и затих, забившись под дужку «дворника». Тогда она промолвила, что у неё были такие же «крылатки

клёна» — медные серьги, а им носить серьги запрещалось. Не этот ли «пропеллер» был нарисован в записке?

— Так и будет теперь кататься до осенних дождей, — подумал вслух и обнял собеседницу за плечи. — А может, и до морозов. А вы, чувствую, озябли, позвольте, — накинул на девичьи плечи свой пиджак поверх воланов.

— Хотела шляпку надеть, она в машине Розы. Потому задержалась. Надела. Передумала. Сейчас жалею. Где же обещанный волшебный папоротник?

Марку позвонили. Знакомый менторский голос попросил, зная, что он подрабатывает на аттракционе, и видел его в парке, любезно появиться на рабочем месте и запустить механизм. Невозможно отказать в этой умильной прихоти его спутнице-чудачке, а сам он «отбывает спозаранку, там не цветут саранки на полянке». Что касается их общего дела, нельзя откладывать на осень.

Полуночные тени уже затаились под зарослями дикой малины, в кажущихся бездонными неглубоких складках мелких овражков, в непроходимом ельнике у паучьего королевства в надежде пересидеть там обещанный зной предстоящего дня.

К поперечной Спортивной аллее (Декуманус максимум, как называет её Сидор) примыкают, кроме прочего, огороженная площадка Колеса, мутно подсвеченного снизу, и островерхий терем кафе, игриво подмигивающий напротив огоньками охранной сигнализации. Едва различимая в сумерках, мимо прошла молчаливая тройца, на миг осветив встречных фонариком. Со стороны спящего Колеса послышалось: «Идут тебе платья, любые цвета, но лучший наряд твой — твоя нагота», — пела женщина высоким красивым голосом.

— Эй, что за чёрт?! — возмутился Марк, пытаюсь сквозь темень разглядеть поющую. — Кыш с аттракциона!

— Помянешь чёрта — он тут как тут, — шепнула Полина, кивая на показавшегося из-за кассовой будки несколько разлохмаченного Мизгирия Всемогущего и дивясь несоответствию безобидного облика преподавателя рассказам

Марка о нём как о монстре с явным психологическим каннибализмом.

— А, студент! А это мы тут.

На просьбу помощника контролёра:

— Уважаемые гости, будьте любезны, ваши билетки, — будущий профессор взмахнул рукой, будто ловил муху на лету, разжал кулак с рулоном бумажной ленты, пересчитал стоявших рядом, оторвал длинную полоску, предварительно два раза обмотав её вокруг локтя:

— Будьте любезны, всем по два круга, согласно принятому в Париже обычаю.

В кабине «Карета» разместились Козимо и его незадачливый рассеянный студент, которого даже пришлось с некоторым усилием подтолкнуть в спину. В соседней круглой открытой кабине угнездились дамы.

Учёный муж счёл нужным поведать своему спутнику, упорно и безуспешно пытаясь раскрыть чёрный зонт:

— Вся планета в авоське параллелей и меридианов невидимых кротовых нор с порталами в местах пересечения. Порталами или станциями являются и Колёса обозрения. Скромные в провинциях и гигантские в столичных агломерациях. Разница во времени мест убытия и доставки определяется различием скорости и направления вращения станции отправления и станции прибытия. Я не слишком надоедлив?

Отвлёкшись от лекции, докладчик обязал лузера, не откладывая далеко, забежать к его аспирантке с зачёткой. Но в следующем семестре ему необходимо избавиться от хронической гнозиофобии, обладая такой зае... зашибической памятью.

— Парадокс! Они изучены мною до молекул, но как они это делают, остаётся тайной за семью печатями. Я всё же близок к разгадке вселенской тайны, способной изменить жизнь всего человечества, хотя весь технологический процесс — за пределами сферы моего участия, ограниченной манипуляциями с осточертевшим агрегатом, имитирующим банальный зонт. В основе их метода — свойства времени, скрученного в кольцо Мёбиуса. А пресловутое

моё якобы всемогущество, о коем они не упустят случая упомянуть, я полагаю, всего лишь неуклюжая компенсация за мои предупреждения о предстоящих дезинсекциях.

Механика Колеса не отключалась — возможно, был какой-то секрет у Сидора. Оставить без присмотра работающий электроагрегат нельзя до прихода бригадира. «Ввиду недопустимости опоздания» экзаменатор и ничему не удивляющаяся барышня-чудачка удалились восвояси.

Не ночевавший дома и куролесивший всю ночь, стих под лавкой, чтобы отоспаться днём, неженатый ветерок-сквознячок, внимая диалогу полусонных сомнамбул, проплывающих над верхушками высоченных изумрудных сосен, освещённых мягкими золотыми первенцами-лучами пробуждающейся звезды по имени Солнце. В высшей точке подъёма Колеса студент встал на скамью, подпирая головой прозрачный купол и раскинув руки, как богомол на ристалище:

— О Русь, взмахни крылами! Поставь иную крепь!

— С иными именами встанет иная степь. Помашем певунье, у выхода машет нам. Стрекозу не раздавите. Какой это круг? Гладь воды как зеркало. Для небес. Не погано было бы поплавать. И почему сразу-то не сообразили?

— Да можно было бы. Только в мокрых трусах же потом не пойдёшь.

— Я имею в виду — на лодке, чудик фильдеперсовый. Надо было сразу на лодочную, это вы виноваты. Если это ночное бдение считать свиданием, то оно у меня первое.

— По Ефимычу, сейчас дни наизнанку. Одна красotka прокатилась на Колесе и, как бы это, э-э-э... словом, самоннигилировалась. Верите в бестелесные существа?

— Тело — лишь скафандр для души. Орлеанская дева-воительница причислена к святым. А они — истинные воительницы — разве не святы? И их ведьмами называют, и у них свои костры. Смотришь сверху на этот мир и думаешь: они летают на такой же высоте. О таком ли будущем они мечтают, ради которого покинуть пылающий фанерный тихход времени остаётся пока спичка горит, не больше?

Марк Аврелий Молниеносный

Нагая отличница Евгения вышла из душа, принимая фривольные позы, обтирается полотенцем перед телевизором. На туалетном столике прозрачная баночка с любимой игрушкой — живым чёрным паучком. В открытое окно умаявшийся за день прохладный ветерок, теряя силы, внёс чей-то шепоток и в изнеможении пал ниц на подоконнике:

— В банке с крышкой, ваше величество, возле трюмо.

— Бедненький, она хоть кормит его?

— Капля чистой воды и малярийный комар.

— Да, она не совершенно глупая! Чем она сейчас занята?

— Тем, чем заняты все двуногие, — примагничена к волшебному зеркалу, они его «ящиком» называют. Из него холёные напудренные маги непрерывно им вещают, непрерывно подсказывают и учат зачарованных челов, как надо разговаривать, что модно и к чему стремиться, о чём и как думать, какое надо иметь мнение и прочему всему. Если мне позволено будет высказать своё личное мнение о правомерности места челов в пищевой цепочке...

— Давай и мы примагнитимся.

На экране — познавательный фильм о пауках, о золотых временах сородичей Королевы, Семинога и их принца-наследника, кои ещё в Древнем Риме уничтожали мух, клопов, блох и тараканов в императорских покоях Марка Аврелия. Прозвучали созвучные самым потаённым размышлениям Королевы арахнидов высказывания этого древнеримского императора-философа о том, что наша жизнь — это то, во что её превращают наши мысли и дела. А ещё «ящик» сообщил, что пауки — не злокозненные существа, за убийство которых прощаются сорок грехов: мол, мизгиря убьёшь — сорок грехов сбудешь, — но, напротив, приносят пользу и даже счастье в дом.

— Нам бы такое зеркало, сразу продвинулись бы по пищевой цепочке вверх. Я права? Да, ты правильно говоришь, сей меч обоюдоострый. Я вот что подумала: не обратить ли отличницу в невесту нашего принца?

— И сей меч обоюдоострый.

— Подарим им зимнюю норку, устланную паутинными коврами по спецзаказу у тенётника.

— И свадебное путешествие в Париж на новом ковресамолёте! На бодрых свежих ветрах! Как и мы когда-то. Помню, ваше величество, в благотворительном келариуме возле Белого собора одежду всю ночь и всё утро выбирали, пока келарь не застал нас голыми, принял за хиппи и гнал метлой. Одевались уже на глазах первых туристов.

— Хламиды спонсорской там вроде много было, а выбрать — так и не шибко. Надо им точно и конкретно указать, где и о какой камень-оборотень на травертиновой стене Белого собора чесаться. Чтобы из достойных арахнидов в двуногих человек на время обратиться сразу по прибытии.

— Всё удивляюсь, как они вообще ухитряются на двух коротких; у меня семь нормальной длины — и то одной всю дорогу не хватает.

— Чтоб они не так, как мы, бестолково всю ночь лазили и чухались обо все замковые камни до ссадин по всему телу. Это ты тогда напутал. Хорошо, что у сестры Хильды какое-то особое отношение к человекам из нашего града. Помню приём в её домике, садик, виноградник, кофий. Она нарядная, с красивой брошкой — цветок или подсолнух. Я в хламиде, бывшей в употреблении.

— Кофе был с коньяком, и пятьдесят евро в подарок. Ваше величество позволили себе...

— Ты обещал рассказать хохму, что слышал в логовище нашего врага и его соседки. Некая Роза. Какой такой парашютист сел на её машину и хотел перестрелять полицейских, приняв их за полицаев времён войны? Жуть охоча я до юморных баек. Особенно о курьёзах с несуразными челами. Какие они всё же первобытные.

Вернувшись в свои покои, Королева-мать призвала к себе принца без имени.

— Имя тебе — Марк, — выпрямилась в боевой стойке на двух задних лапках, — Марк Аврелий Молниеносный!

Новонаречённый, уже ставший несколько привыкать к сытому бесконфликтному привилегированному существованию, без радости воспринял долгожданное обретение собственного имени. Ведь это означало необходимость замены благоволения монаршей особы на бесконечные смертельно опасные скитания. К тому же недавно с удивлением обнаружил он в себе некоторую склонность к отвлечённым мечтаниям и странным рассуждениям. Кто и зачем придумал всё то, что вокруг, и по каким канонам? Почему травка летом зелёная, а осенью жёлтая, а паучья паутина белая? А из чего сотворено облако? Можно ли на нём прыгать и кувыркаться? Нелепые лишние мысли. Но самое отвратительное и даже пугающее — он вдруг сочувственно подумал о вегетарианстве и почти пожалел ту самую трудожук-пчёлку! Тьфу! Такие слюнявые настроения — вон! Я — Марк Аврелий Молниеносный!

Подпаски облаков

В указанный на купоне день и час, перед спуском в «катакомбы», участники игры — Марк с одноклассницей Евдокией, предпочитавшей, чтобы её звали Дариной, Игорёк с подружкой Софи, пятый почётный игрок в команде — прабабушка Мирослава, которую, против ожидания, не пришлось уговаривать, — принимали извинения от представителя компании «Квест-Тур» госпожи Тьютор за «возможные неудобства вследствие недавней дезинсекции подвала». Госпожа ведущая, в пышном парике и свободном цветастом сарафане напоминавшая любимую куклу, забытую в шкафу давно повзрослевшей хозяйкой и случайно извлечённую, перечислила нехитрые требования инструкции по безопасности в предстоящей игре. Непременное условие — отсутствие в команде эпилептиков и страдающих клаустрофобией.

Мягкий свет редких лампочек размывает неясные очертания силуэтов и лиц присевших за круглый стол игроков, придавая им клятвой скреплённую необратимую причастность к

некой роковой тайне обречённых на провал заговорщиков. «Кукла» массивным перстнем на указательном пальце мелко постукала в закрытую металлическую дверь:

— Посредник наш в своём репертуаре — задерживается. Ознакомимся с планом эвакуации при пожаре. Для разминки: как выглядит ключ к знаниям по всем наукам?

Софи по-школьному подняла руку. Послышались частые шаги, кто-то спустился по лестнице. «Дзэн-дзэнн», — неясное звучание, отражённое слабым эхом, то ли приглушённого гонга из дальнего угла, то ли ненастроенных струн лиры, венчающей треугольный щипец Дома с музами. Погас свет, вновь зажглись только редкие настенные бра.

— Это старт-таймер! Удачи всем. Не пугайтесь, будьте готовы к тому, чего не ожидали, — лицо «куклы» неожиданно похорошело от недостатка освещённости. — Завершающий аккорд — чай с карамельками.

Ни к кому не обращаясь, Софи сообщила, что «это — вопросительный знак!». Из непроглядности хриплый голос с демоническим оттенком предложил «выйти за рамки реальности» и воззвать к высоковольтному Духу, что хранит у себя бумеранг Добра и бумеранг Зла, выточенные в долунные времена из Древа познания добра и зла, явиться достойному обществу; прокашлявшись, добавил:

— Из небытия. Посредник я между мирами, мне ведом финиш сей игры. Сокрыт тайник неразлично. Отмщение в нём иль воздаянье добром за добрые дела? Яви, о Дух высоковольтный, соизволение своё деяньям нашим на разгадку твоей таинственной судьбы. Кому подвластен скрытый смысл велеречивых рассуждений, за мною следуйте, друзья!

После двухчасовой забавы с головоломками, перед завершающим испытанием, ведущей предложено «сомкнуться» для традиционного общего фото в «креативных» декорациях для рекламы в сетях. Госпожа Тьютор несколько раз позвала Ольгу Олеговну — актрису, игравшую незримую роль Призрака (он же высоковольтный Дух), за которым шла команда в сумеречных лабиринтах подземного хода, видя только далеко впереди размытый силуэт, излучавший

зеленоватое свечение. Некто, исполнявший роль Посредника между мирами, в квадратной академической шапочке с жёлтой кисточкой и короткой мантии с жёлтыми обшлагами, в ком угадывался Буцефал, удивился неосведомлённости госпожи ведущей:

— Ольга Олеговна здесь сейчас быть никак не могут, они на гастролях! Я думал, вы в курсах.

На резонный вопрос Игорька, а за кем же тогда, шли они, как землепроходцы по пыльным штольням, ответом было троекратное чихание Мирославы, участие которой предполагалось лишь в двух-трёх первых испытаниях, и низкий «диктофонный» голос откуда-то из мрака бокового ответвления, кажущегося тупиковым:

— Салфет вашей милости! Приветствую командира звена!

— Красота вашей чести! — Мирослава плюхнулась на складной стул, поданный Буцефалом. — А вы кто?

— Навечно штурман твой, Глафира, «ночная ведьма» в бытность на Земле, в небесном царстве — облаков Пастушка, с геройски павшими из нашего полка. Отныне вольные ветра Борей, Зефир и Завируха усердно служат без лукавства, пастушечьих вернее псов, насколько могут быть верны синонимы непостоянства. Явилась, призванная трижды, игру свою вам предложить. Мой веер ролевой таит от глаз чужих три Ипостаси, три времени, что Вечность созидают, грядущие и нынешние дни, минувшего урок не забывая. Их отгадав, на Божий свет из сей темницы возможен выход лишь для тех, кто женской особью зовётся. С собою взять дозволено вам будет, что на себе под силу унести. Оставшимся здесь пребывать навечно.

— Глаша? Ты же... она же в сорок третьем... Восемнадцать ей было. Этот шоковый сюрприз специально по сценарию? Правдоподобно, конечно, желательно предупредить. Пожалуй, я заигралась.

Мирослава удалилась, не прощаясь, сопровождаемая Посредником между мирами, которому было поручено отвезти её домой.

— Это у них наверняка такое оригинальное завершающее задание квеста. Думают, что мы впадём в ступор. Так-с! Э-э-э, как его? — Марк вопросительно уставился на Софи, нетерпеливо пощёлкивая пальцами, и тут же махнул рукой: — О, вспомнил слово — легенда! Из осаждённого города, где-то в Германии средних веков, разрешили выпустить живьём только баб, извините, женщин, с условием, что им можно взять с собой только то, что они смогут унести на себе. А они вынесли на себе своих мужей. В общем, чтобы выйти, наконец, из подземного чистилища, вам, девчонки, надо вынести нас с Игорьком. Кто меня потащит на холке, правильнее — на горбу или что там?.. Дарина, могу надеяться на антрепризу?

Неожиданно Евдокия отказалась тащить на себе «бугая». Мол, если деваться некуда, то ей по силам вызволить аскетичного Игоря, а Марка логичнее доверить Софи, с её широкой костью. Возражений не последовало.

— Ипостаси во времени — кем она была, кто она ныне, кем она будет. Желательно наводящее, типа преамбулы, — Игорёк осветил и потрогал нишу в каменной стене. — Могильный холод тут. Попытка лишь одна. А право на ошибку? Нема?

В ответ из ниши послышалось резкое «фх-х, фх-х-х...», замелькали тени.

— Люди! Мышь летучая! Кого укусит — с ума сойдёт. Капец!

— Без паники! Это нетопырь, этот не кусается! Опять как в прошлый раз. Я же просила.

— Вампиры на охоте, твою дивизию! Так-с! Веер... кивер... Терпсихора, мажоретки. Смею предположить: Дева и Фея? Так, что ли, а? Есть! А третья? Секрет раскроем штурмом мозговым! Кумекать всем и шевелить мозгами!

— Шо там шумекать? Оно шамо нашвало: Пашшушка! — Евдокия сплюнула леденец. — Само назвало: Пастушка облаков! Ура!

Из пропылённого зева вытяжки выпрыгнул чёрный котёнок и метнулся к ногам Дарины, отпрянул и зацепился коготком за сарафан «куклы», обе последовательно

взвизгнули. Игроки покидали затхлое подземелье Дома с музами (именуемое госпожой Тьютор локацией), перекрытое кирпичными сводками по стальным балкам, опирающимся на стены из бутового камня, источавшего неистребимый запах карболки, с мыслью никогда не возвращаться сюда по доброй воле. А ещё — с убеждённостию в реальном существовании легендарного Призрака, помогавшего им вернуться из преисподней, не продав душу лукавому. Госпожа Тьютор, с ловкостью фокусника вернувшая себе облик Розы Германовны, перекрестилась на католический манер и пообещала кого-то жестоко наказать или даже уволить за «чудовищную финальную импровизацию». А может, и наоборот. Всей команде для вручения приза «Окно в Париж», впервые за два сезона отгадавшей всё, покорнейше предложено явиться на ужин в её заведение «Роза ветров»:

— Ау, триумфаторы, у меня не одна такая локация для квестов. Команды постоянные бьются: «Пластилиновые вороны», «Стрёмные гомункулы». Ваша компания тоже из поколения Z, креативная, из элитарных песочниц. Имя себе сочините поэксклюзивнее. Непросто это. Как корабль назовёшь, так он...

— Без вариантов! — Евдокия-Дарина кокетливо приложила палец к губам хотевшего что-то сказать и открывшего рот Игорька. — «Пастухи», нет-нет, «Подпаски облаков»! Суперкоманда!

Договорившись с подругами, спасшими их от «вечного заточения в узилище убогом», встретиться на днях в кафе, двое Подпасков облаков возвращались в свой «частный сектор». Сразу за регулируемым переездом с домиком смотрителя — поворот на просёлочную дорогу, вытянувшуюся вдоль лесополосы параллельно «железке». Обгоняя, низко и неслышно пролетел на убранном газу и приземлился недалеко впереди «кукурузник», всплыв обочину. Серый кот спрыгнул на землю, лётчик неуклюже последовал за ним, защитные очки с «бровями» сдвинул на лоб и, направив пистолет на подбежавшего первым Марка, крикнул простуженным голосом:

— Стой! Ты кто? Где немцы? Случайно, парашютистку тут не видели намереди?

— Это кино снимается? Про войну?

Воздушный ас оказался девушкой с короткими кудряшками, выбивающимися из-под шлема, и белым шёлковым шарфиком вместо подворотничка.

— А вы артистка?

— Ага, снимай штаны, будем знакомиться! «Ночные ведьмы» мы, Нахтхексэн для немцев. Для наших — Феи. Комсомолец? Чё не на фронте?

Не дослушав отвечавшего вопросом на вопрос, потребовала газету, торчащую из пакета, забытого прабабушкой. Разглядев дату «Новой газеты», военлёт выругалась, тряхнула головой, будто освобождаясь от наваждения; выслушав подтверждение, какой нынче год, крикнула штурману во второй кабине:

— Глаша, чуешь? Опять окклюзия, тут женихи из двадцать первого века! Об этом доложить, а адъютант эскадрильи в листок происшествий лёткнижки впишет — комиссуют в спецсихушку.

— Или в дезертиры! Треба отсель!

— Ну-ка, дюжий кучерявый, подсоби «ведьме» на крыло стать, раной ноги маюсь. Чё застыл? Позднее зажигание?

Наклонившись и сомкнув кисти рук «ступенькой», Марк чихнул на неровно вышитую голубую незабудку в уголке портянки, выглядывающей рядом с его газетой из серого от пыли широкого голенища.

— Салфет вашей милости!

— Красота вашей чести! — ответил машинально Марк.

Мирослава рассказывала: такой обмен любезностями, кем-то однажды произнесённый за завтраком, стал традицией в полку «ночных ведьм» и даже звучал по рации, как пароль и отзыв в переговорах разведчиков погоды с командным пунктом.

— Откуда знаешь позывные эскадрильи?

— От прабабушки Мирославы. Память — дай каждому. У Евтушенко стихи про лётчиц в войну — читает наизусть.

— Я тоже Мирослава, одна на весь полк. А Евтушенко — это кто? Кыс-кыс! Мыши перкаль грызут и проводку. От винта!

Игорёк, торопливо надёргавший пучок полевых цветов вперемишку с травой, красивым жестом ловко бросил охапку в кабину штурмана, словно то были театральные подмости:

— Браво, Феи!

После короткого разбега тёмно-зелёный биплан с надписью «Мстим за боевых подруг», красными звёздами в белой кайме и мышеловом на коленях пилота неуверенно оттолкнулся от земли, оставляя, как ящерица хвост, плотный шлейф дорожного праха цвета седой бороды. Воздушное судно сделало круг, не набирая высоты, пилот помахал рукой, неангельский голос с небес прокричал что-то.

— Что-что они там?

— «Феи сено не едят!» Дуры, мои цветы выбросили. Вообще, шо это было?

«Женихи» трусцой спустились по откосу на короткую дорогу. Марк на ходу отряхнул штанины:

— Кот линяет. Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд, то грудями колыхают, то задами шевелят. Наверняка это юмористки-пилотессы из аэроклуба. У них фестиваль исторической этой, как её... реконструкции. «Дорогами Великой Победы», кажется, называется. Ихний подскок (запасной аэродром) рядом. Прабабуся была на открытии.

— Без макияжа, как монашки. Специально не крашенные для исторической натуральности? И бензином воняют. Прямо оттуда и сюда. Надо было ещё бомбы муляжные подцепить. Улыбнитесь, лохи, это — приколы!

— А сыграли убедительно: лейтенант с двумя кубарями, и ТТ на муляжный не похож. Прабабка немного что-то о подобном... Вошебойка была редко, стирали в бензине. Пилотесса симпатичная, глаза голубые. Загорелая, как с югов. На мобильник снял?

— Облупленный нос?

Когда друзья вышагивали по тротуару автодорожного моста, мимо, с явным превышением скорости, промелькнула легковушка, похожая на аспидную иномарку соседки Розалии Германовны. Преследовавшая полицейская машина на повороте перед въездом на эстакаду вдруг завиляла, повизгивая и стремительно съехав с обочины, увязла в камышах. «Буцефал не выезжает из гаража без куска колючей проволоки, — вспомнил без повода и чьи-то строчки: — Мила своим движением вода остановившемуся человеку», — стоя на самой середине моста над рекой, взволнованной состязанием двух «безбашенных» гидроциклов.

Подумалось: если это был бы не розыгрыш, то, вернувшись к своим, они показали бы газету из будущего, где нет Советского Союза, Россия враждует с Украиной и строит капитализм, а Германия — ведущая страна Европы. Газету, конечно, признали бы вражеской фальшивкой и провокацией, а доставивших её на фронт — расстреляли. Кстати, она схожа с музейными немецкими подделками советских газет тех времён.

Когда вошёл, не звякнув калиткой, во двор, сторожевая Фланка обнюхала пакет и вернулась в будку, не виляя хвостом. Дом был пуст. Увидев себя в зеркале, подумал: смотрюсь грустным смайликом. На столе свёртки кардиограмм, сборник Евтушенко с автографом автора на обложке и открытый фотоальбом. На знакомом с раннего детства военном фото — лётчицы 46-го женского полка ночных бомбардировщиков в строю на вручении гвардейского знамени. Вот юная красавица гвардии лейтенант Мирослава, его прабабушка. Её штурман Глафира, умершая в госпитале от тяжёлых ран. Двоюродный брат Лёха, почему-то с незнакомого номера, сообщил, что старушку увезла скорая, а она шутковала:

— Чё, за мной прилетели? Салфет вашей милости!

Правнук вышел во двор. Ловко забрался по стремянке в свой домик-гнездо в осиновых кронах. Устроился полужопа. Во дворе усадьбы Германовны, выходящей на параллельную улицу, ни души. С недавнего времени незнакомая

девушка в широкополой шляпе и шортах иногда отдыхает под яблоней, срывая спелые плоды с нависающих веток. Видимо, гостя. Вспомнилась странная спутница ночной прогулки: «Какая-то она иная». Лица без полумаски тогда не разглядел, телефонами не обменялись. Просила не провозжать. Мол, дорогу найду сама, мобилу ещё не освоила.

Подпасок задремал. Снились Колесо, вознёсшееся к наивысшей отметке, и непрестанно матерящийся Козимо, тщетно пытающийся раскрыть зонтик. «Позвольте помочь», — Марк вырвал из тощих рук и резким движением раскрыл со стоном проскрежетавший ретро-механизм противодождя антиквариата. Купол раскрылся наполовину, остальное повисло чёрной тряпкой на сломанных спицах. Без пяти минут профессор вскочил, качнув кабину: «Что творишь, бестия?! Код набран, процесс перемещения запущен, а ты сбил. Откуда тут нули? Верни один, три, пять! Немедленно...» Смолк, сник, замер и вдруг преобразился в почтальона, разносившего романтические послания на балу. В полной тишине из его боков полезли членистоногие конечности. Уменьшившись до размеров спички, обратился в чёрного паука. Марк машинально накрыл его и запер в пластиковом прозрачном контейнере для кала, который всегда носил с собой для пополнения коллекции. Раритет с кодовым устройством на стволе валялся в ногах, подобно ворону с искалеченным крылом, навсегда изгнанному из стаи сородичами.

В соседний двор через бесшумные автоматические откатные ворота неслышно въехал посеревший от пыли чёрный кроссовер, доставивший Розу, её гостью и Буцефала. Переговариваясь о смешном подсолнухе, будто репей прицепившимся к платью, хозяйка и девушка, которую она называла Полиной, прошли в дом. Буцефал, прогибаясь в пояснице и задирая голову, походил туда-сюда по бетонной дорожке и присел на лавочку, прижав спину строго вертикально к брусчатой стене бани.

Марка разбудил громкий голос соседки, возвестившей в открытое окно:

— Солнце моё! Кушать подано! По телеку, слышь, общили: нашли парашют, ищут чей. Стопудово — Полины. А чей же ещё?

— Я сдавал экзамен пауку? Вот это, как её... антреприза.

Буцефал пробурчал что-то невнятное о бабье, которое он предупреждал, глядя в сторону соседской «голубятни», догадываясь о присутствия в ней хозяина.

С незримого края небес со стороны палящего солнца долго падала, не находя подходящего места на Земле, пока не распласталась под когтистыми лапами Фланки, внезапно пожухшая, как музейный раритет, либеральная «Новая газета» с едва различимой датой недельной давности.

Кафе безалаберных

По повелению Королевы-матери Марк с невестой готовились к свадебному путешествию в Париж. Тенётник, славящийся среди арахнидов умением вышивать по спецзаказу для увеселения кружевные гамаки с мерёжками и воздушные качели на шелковистых стропах, взялся соткать для молодых летучую паутину с балдахинном, отчасти копирующим аналогичную сень на королевском ложе и одновременно являющимся изысканным парусом. И вот готовая к испытаниям полупрозрачная левитирующая каравелла со свежими капельками клея покачивается на сверхпрочной причальной нити. За почётное право наполнить тугие паруса тягались во всём не схожие ветра. Поговаривали, что явятся даже перебежчики — Борей, Зефир и ещё один, с именем, неприличным для деликатного уха. Но победил внезапно ниоткуда возникший Суховой, не однажды бывавший в тех краях с Пастушками облаков, именуя их в договоре подряда «Дщери вольные эфира». Он и поведал, что есть приют для молодых паломников в гостевом доме на пятьдесят два номера на горе Мучеников. А рядом, в Белом соборе, подвизается Христовой невестой и ежедневно за стойкой администратора принимает и даёт все пояснения

паломникам и туристам сестра Хильдегарда, монахиня бенедиктинского ордена Церкви Святого Сердца. В миру — мадам Полина, по каким-то причинам всегда особо импонирующая и сострадающая всем прибывавшим из этих мест.

— Официант — сама элегантность, в чёрном, окромя белоснежной блузки. И нечто на патронташ смахивает. Кошель? Он показывает, что багет в корзинке и вода в графине — без оплаты.

— А я паутину вижу.

— Бешамель, профитроли, камамбер, если правильно читаю. Одна бутылка сухого расплетателя мыслей — двадцать ихних. Останется тридцать евро. Закажем. Ау, гарсон! Какое замечательное слово «ау»! Сколько эмоций, интонаций можно выразить этим коротким словом из двух букв. С платьем не угадала. Не по мне, не моё, выбора не было. А вот пасхальный костюм келаря тебе к лицу. Сегодня загадаем свои мечты и потрём ногу Святому Петру в Белом соборе, как советовала великодушно сестра Хильда. Наливай, а то уйду.

— Почему весь пол в пакетиках от сахара?

— Ты что загадаешь? Хотя какие могут быть мечты у паука? Вопрос риторический, лучше и не знать. А я мечтала и о свадебном путешествии. Кстати, вот именно таким видом, как мы сейчас. Ну, если, конечно, исключить нюансы транспортировки. Именно вот так, в кафе, непременно только вдвоём, за столиком с вином и именно с вот такими фужерами, как эти. В каком-то заграничном кино это видела, там ещё дождик моросил, они вдвоём встречали Новый год в Париже.

Никогда и никому, да и повода не было, ибо никто и не спрашивал, не доводилось говорить ему о своей мечте. Она не результат долгих томительных раздумий или мучительного выбора бесконечных вариаций, к чему склонны отдельные всегда колеблющиеся и неуверенные в себе тенётники, которым суждено пожизненно плести только один тип паутины, одной геометрии. А их вечный спутник, неубиваемый червь сомнений, заставляет вновь и вновь

пытаться уйти от опостылевшего шаблона, что-то радикально изменить, настойчиво добавить или решительно исключить. В итоге метаний и пульсаций — унылое разочарование, тот же результат — долгое замирание на месте в неожиданной позе с целью приведения мыслей и чувств в состояние, соответствующее естеству и программе, заложенной природой.

Его мечта — погрузиться в науки, в основном повторяя путь Мизгирия Всемогущего. Овладеть всеми его знаниями, включая тайные, естественным путём, либо насильственно раскрыть секрет чёрного зонта и с его помощью вернуть всем человекам, обращённым злодеем в пауков, их первоначальный облик. И первой расколдовать свою королевствующую мать!

— Когда приземлились у собора (базилика Сакре Кёр — Святое сердце), я почесался и тебя заставил почувствовать о замковый камень на арке цоколя, и мы обратились в человек. То белый травертин для оборотней. Потрёшь — и ты чел на несколько дней, — погладил карман клетчатой модной рубашки. — Или наоборот. Вот я кусманчик и припрятал. Пригодится. Матушке обещал вернуться. Суховой наготове.

— Каменюку припрятал — хитёр и коварен. И прикинуться божьими коровками хитро придумал, чтобы птицы не склевали в дороге. Зачем к маменьке? С инстинктами бродяги ты не ткач — домосед. Если что, скажем, что всё украли люди в масках. Для Парижа — обычное дело. В полицию не надо. Чего он пялится на нас? Да вон тот, которому что-то горячее сейчас принесли.

Уходя, сидевший напротив посетитель кафе, аккуратно положил на столик рядом с Евгенией визитную карточку.

— *Permettez-moi de me presenter. Cette robe vous va a merveille.* (Позвольте представиться. Это платье вам очень к лицу.)

— Тут написано на двух языках: художник Brent Хейтон. По смыслу: мы есть модели для его картины. В общем, он нас рисовал для своего шедевра. Будущего. Называется

«После прогулки» и что-то про Лондон. Видимо, принял нас за англичан. Слушай, если я принцесса, обращай ко мне — ваше высочество.

Статный гарсон с круглым расписным подносом, демонстрируя ухоженные руки с маникюром, звонко объявил неожиданно по-русски:

— Ваш счёт, ваше высочество.

Молниеносный надолго удалился в туалет. Евгения одолжила телефон и набрала чей-то номер.

— Бонжур, двоечник. Слыхала, вы в азартной игре выиграли целый город Лютеция Паризиорум (Париж). Дошный конспект уже не нужен? Сдано?! А разве вас не выперли за неизлечимую аллергию к учёбе? Я перевожусь в тутошний универ Пьера и Марии. Папа по обмену лекции *isi* (здесь) читает. В саду Тюильри на Колесе вращаетесь? Конечно, тут масштаб другой. Знаю, там пальмы в кадках. Да не, мне лучше у Белого собора. Я тут рядом, на площади Художников. А вам на метро, а потом фуникулёр. Договорились. Под зелёной девой Орлеанской, на ступеньках у входа. Оберегайтесь карманников. А про «нитку счастья»? Толерантны будьте к желающим продать вам «калаш» за семьсот евро. Ха-ха! Живём с вами в пешеходной доступности в фатерланде, а встречаемся наконец-то на краю географии, — её высочество вернула «Нокию»: — Гран мерси, бонгарсон. Заодно загадаем желания и погладим ногу Святому Петру.

Отправилась на поиски принца и обнаружила в умывальной комнате паучка на стене под раковиной и ворох одежды суженого на подоконнике открытого окна.

— Бедолага, наверное, слабо почесался о камушек, — выудила из кармана клетчатой рубашки каменный осколок. — Мерси за оборотный камушек.

«Ну и денёк! Чужал же, что случится что-то отнюдь не из долгожданного, но не менее, чем досадное. А содеялось, приключилось и того более: в самый апогей ренессанса наших отношений моя Жозефина обозвала меня телком и, даже не попрощавшись, сбежала с беспардонным пауком-иностранцем на его шикарной паутинной каравелле новой

модели с прибабасами, твою дивизию», — таким понурым размышлениям предавался на родном французском уважаемый сородичами за предусмотрительность и рассудительность, всегда элегантный паучок Пауль, когда подгулявшая мадемуазель Евгения нежно пеленала его в мягкий, как шелковистая первозданная паутинка, салфеточный кокон.

— Видела брошки с букашкой в янтаре, сделаю себе подобную финтифлюшку искусственную, и будешь ты, мой суженый, наследный принц, ваше высочество Марк Аврелий Молниеносный, всегда со мной и на мне. А пока, пардон и сорри, принцессе надо поблевать.

В открытое окно в поисках благодатной почвы вереницей медленно плывет стайка мелких зёрнышек каких-то растений в невесомых колыбельках из произвольно торчащих во все стороны тончайших пуховых ворсинок. Будто почуяв опасность, таящуюся в этом замкнутом, губительном для них пространстве, замирают на миг и устремляются вон, плывя чуть под углом к встречному лёгкому движению воздуха, как по команде сплотив ворсинки прямым парусом, уподобившись лавирующему паруснику, плывущему против ветра переменными галсами.

Мелкие полупрозрачные облака, лениво бродившие по небесному пастбищу, живо и податливо сбились в плотное стадо, затмившее солнце, повинувшись игривой воле опытного Сухова, уносящего восвояси будущую королевскую чету бродячего племени арахнидов. Мечтательному Марку Аврелию ещё предстоит поиск общего языка с пылкой Жозефиной, но уже с высоты орлиного полёта объединяет юную пару осознание того, как хрупок мир под тонкой защитной прослойкой атмосферы, высотой от облака до тени онога на Земле.

Продолжение следует